

УДК 821.161.1

Е. М. Лепишева

<https://orcid.org/0000-0003-3779-7394>

Terra incognita белорусской литературы

Для цитирования: Лепишева Е. М. Terra incognita белорусской литературы // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 55–73. DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5-56-73

В центре внимания статьи – идейно-эстетический потенциал белорусской литературы, остающейся не достаточно известной для читателя не только зарубежного (в частности, российского), но и отечественного. Показано, что на протяжении ее развития, начиная с интенсивного становления на рубеже XIX–XX веков (Я. Купала, Я. Колос, М. Богдановичи др.) и заканчивая постсоветским периодом (позднее творчество писателей-«шестидесятников» В. Быкова, А. Адамовича, а также С. Алексиевич, В. Некляева и их молодых последователей О. Бахаревича, З. Вишнева, В. Мартиновича), наблюдается устойчивость проблемного поля, сконцентрированного на «маргинальном» мироощущении человека. Доминирование этой проблемы связывается с такими историческими, социокультурными факторами, предопределившими особенность белорусского пространства как неустойчивая национальная самоидентичность, геополитическое положение на пересечении поликультурных влияний (России и Европы). На примере двух произведений: «антиромана» Змитра Вишнёва «Если присмотреться – Марс синий» и романа Ольгерда Бахаревича «Собаки Европы» (последний переведен на русский язык и отмечен премией «Большая книга») – выявлена реактуализация «маргинального» мироощущения в новейшей белорусской литературе. Его актуальность и для русской литературы (от Достоевского до «другой прозы» конца XX века) углубляет представление о межлитературных взаимосвязях, обусловленных общим для ряда авторов «экзистенциальным типом художественного сознания» (В. Заманская).

Ключевые слова: русская литература, белорусская литература, национальная идентичность, национально-культурное возрождение, национальная ментальность, «антироман».

E. M. Lepisheva

Terra incognita of belarusian literature

The article is focused on the content and aesthetic potential of Belorussian literature, which still remains not widely known not for a foreign (including Russian) only, but native reader as well. It is shown that during its development from progressive beginning at the turn of XIX-XX centuries (Y. Kupala, Y. Kolos, M. Bogdanovich, etc.) to the post-Soviet period (late "Sixtiers" 1960s, V. Bykov, A. Adamovich, S. Alexievich, V. Neklyaeв and their young followers O. Bakharevich, Z. Vishnev, V. Martinovich), problematic array still focused on "marginal" point of view is showing stability. Interest in the problem is related to following historical, sociocultural factors that predetermined the peculiarity of the Belorussian cultural space as unstable national self-identity, geopolitical location at the multicultural cross-road of two major cultural influences of Europe and Russia. By the example of two texts: "Antinovel" by Zmitr Vishnev "If you look closely – Mars is blue" and "Dogs of Europe" by Olgerd Bakharevich (the second one was translated to Russian and granted the "Grand book" award, the reactualization of the "marginal" worldview in the modern Belorussian literature was presented, which actuality for Russian literature from Dostoyevsky to "other prose" late XX, comprehends the image of Russian-Belorussian literature references, caused by "existential type of artistic consciousness" common to a number of authors (V. Zamanskaya).

Key words: russian literature, belarusian literature, national identity, national cultural revival, national mentality, "antinovel".

Термин «экзистенциальный тип художественного сознания» введен в научный оборот и детально разработан В. Заманской [Заманская, 2002, с. 14], хотя, безусловно, близость мировоззрения ряда русских писателей философии экзистенциализма отмечалась и другими учеными (Г. Белой, В. Линковым, Г. Нефагиной, А. Собенниковыми др.) [Белая, 1996; Линков, 1995; Нефагина, 1994; Собенников, 1997]. Основополагающей для данного типа стала сконцентрированность текста на ощущении тотальной неустроенности в мире. В русской литературе это проявилось в произ-

ведениях Ф. Тютчева, Ф. Достоевского, А. Чехова, представителей Серебряного века, а впоследствии реактуализировалось в «другой прозе» конца XX века. Яркие примеры предлагает и новейшая белорусская литература, в которой данные настроения (закономерные для «переломных» моментов истории) предопределены изначально отягощенной национальной идентичностью, «маргинальностью» положения на перекрестке поликультурных влияний (России и Европы). Эти особенности белорусской ментальности осмыслялись отечественными историками (В. Орловым [Ор-

лов, 1993]), философами (В. Акудовичем, И. Бобковым [Акудовіч, 2007; Бабкоў, 2014]), культурологами (Э. Дубенецким, Ю. Чернявской [Дубянецкі, 1993; Чернявская, 2020]), литературоведами (Н. Блищ, А. Рагулей, И. Чаротой [Блищ, 2020; Рагуля, 2012; Чарота, 1995]).

«Смотровой площадкой» для наших наблюдений стали две книги белорусских писателей, в которых проблема национальной ментальности переведена в координаты современности, хотя прямо и не заявлена. Это «антироман» Змитра Вишнёва «Если присмотреться – Марс синий» («Калі прыгледзецца – Марс сіні») (2018) и роман Ольгерда Бахаревича «Собаки Европы» (2017) (последний из них вышел в авторском переводе на русский язык (изд. «Время», 2020) и отмечен премией «Большая книга»). Будут ли эти произведения интересны зарубежному читателю, скажем, российскому? Ответ кажется парадоксальным: новейшая белорусская литература – это terra incognita для читателя не только зарубежного, но и белорусского.

Но парадокса здесь нет. Белорусская литература – это литература сложной судьбы, с имиджем «местячковой», «малой», вытолкнутая «на обочину» логикой истории. Принято считать, что ее «запоздалое» становление пришлось на рубеж XIX–XX веков. Но в данном случае за точку отсчета берется бытование литературы в «Северо-Западном крае» Российской империи, когда отсутствовал государ-

ственный суверенитет, а положение белорусского языка было нелегитимным (в начале XIX века он сохранялся среди «сялян» и «шляхты засцянкавай»), где и возникли произведения на «местном наречии»). Если же обратиться к национальной культуре более раннего периода – времен первопечатника Франциска Скорины (в 1517 году он создал белорусский извод Библии), Велико-го Княжества Литовского (все три Статута которого были написаны на старобелорусском языке), династии Радзивиллов (меценатов XVIII века, хорошо известных в Европе), то возникает сожаление о литературе, надолго растратившей свою пассионарность и витальную мощь.

Но ведь и развивалась она в условиях ассимиляции зарубежными культурами: польской – в составе Речи Посполитой (XVI–XVIII вв.), русской – в составе России, затем СССР с его политикой интернационализма и унификации. Современное существование белорусской литературы – это официальный (но не фактический) билингвизм, при котором белорусская мова остается языком меньшинства. Так, в начале 2009 г. ЮНЕСКО внесла белорусский в список языков, которым грозит исчезновение, а, согласно, официальной статистике 2011 г. 62 % белорусов не интересуется отечественной литературой, а 13 % совсем не умеют читать по-белорусски [13 процентов ...]. Это вовсе не означает, что большинство белорусов сознательно отрицают свою этническую принадлежность. Речь идет о выработанной веками

«памярковности», внешней мимики, сдержанном переживании «своего» [Бабкоў, 2014; Чернявская, 2020]. Разумеется, и о незнании истоков белорусской культуры, ее потенциала, прорывающегося в новейших текстах.

Отсюда – особая востребованность идеи национально-культурного возрождения в художественных практиках. В период интенсивного развития белорусской литературы в начале XX века (Я. Купала, Я. Колос, М. Богданович, Э. Пашкевич (Тётка) и др.) эта идея была овеяна возвышенно-романтическим флером, очарованной надеждой обрести истинную, «справедливую» Беларусь. И вместе с тем, в некоторых текстах она представляла в «модифицированном» варианте, учитывающем сложность социокультурных процессов. Так, в трагикомедии «Здешние» («Тутэйшыя») Я. Купалы, повести «Две души» («Дзвядушы») М. Горьцкого недостижимость национальной мечты осмыслялась как трагедия «внутренняя»: расколотое сознание героя-интеллекта, не находящего опору ни в «чужой» культуре, ни в опозитизированном народе, от которого он отчужден ментально. Как пишет Ю. Чернявская, в Беларуси исторически сложилась ситуация, не ведомая ни русской, ни польской культуре: «Пути народных масс и шляхетской интеллигенции настолько разошлись, что можно без преувеличения говорить не только о разных типах самоидентификации, но даже и о разных типах менталитета – полонизированного шляхетского и бе-

лорусского “крестьянского”» [Чернявская, 2020].

Позднее тема самоидентификации нашла отражение в произведениях нонконформистов-«шестидесятников» В. Быкова, А. Адамовича, затем – С. Алексиевич, В. Некляевас их подцензурной правдой о реалиях «Беларуси советской». Актуальна она и сегодня. В сегменте ангажированном – адаптируется к задачам госидеологии в произведениях исторической и патриотической тематики. В творчестве «поколения сорокалетних» (О. Бахаревич, З. Вишневец, В. Мартинович) – переосмыляется в русле экспериментальной эстетики и нац-арта: радикальной реакции на стереотип о «неразвитой» белорусской культуре, верной наивно-романтическому мифу.

Не близка эта тема только большинству «массовых» читателей, поскольку наиболее ощутима в литературе «элитарной» с достаточно узкой белорусскоязычной аудиторией. Отчасти связь с «массами» восполняет театр. В нашумевшей в 2016 году постановке Купаловского театра по повести М. Горьцкого «Две души» (реж. Н. Пинигин) противоречия белорусской ментальности раскрыты как трагедия национальная. Важны и попытки молодых белорусских драматургов говорить о национальном кризисе на понятном рядовому зрителю художественном языке. Так в середине 2010-х возникли пьесы-вербатим «Возможно?» («Мабыць?») Д. Богославского, «Границы. Net» А. Марченко, «Игра без правил и с неизвестной целью» («Гульня без

правілаў і з невядомай мэтай») А. Андреева и др., в которых зафиксирован опыт национального самоопределения жителей современной Беларуси [Заманская, 2002]. Закономерно, что в российской «новой драме» пьесы-вербатим появились раньше, в начале 2000-х, в центре их внимания – иные аспекты кризиса идентичности (социальный, культурный и др.) [Лепишева, 2019].

Эстетическое видение «своего» пространства предлагают известные белорусские прозаики, поэты, публицисты – Ольгерд Бахаревич и Змитер Вишнёв. Оба принадлежат к поколению «сорокалетних», пришедшему в литературу в середине 1990-х. Оба были «столпами» художественного движения «Бум-Бам-Лит», возникшего в 1995 году как продолжение прерванной традиции белорусского авангарда в радикальных для того времени формах: «друкописах» (самиздатовских книгах поэзии с иллюстрациями), перформансах групп «Театр психической нестабильности» («Тэатр псіхічнае неўраўнаважанасці»), «Спецбригада африканских братьев» («Спецбрыгада афрыканскіх братоў»), акциях, игровой характер которых зачастую неадекватно воспринимался консервативной общественностью и приводил к скандалам (например, в одной из радиопередач участников перформанса «На волнах стекла» («На хвалях шкла»), показанного 10.04.1999 г. в Национальной библиотеке Беларуси, обвинили в неуважении к национальной культуре

и порнографии (артисты были в плавках) [Жыбуль, 1999] (Однако указанный в статье фрагмент в него не вошел. Он был предоставлен автору статьи самим поэтом). И главное – предлагают свои версии проблемы национальной ментальности, увиденной сквозь призму взаимоотношений героя и социума, явленного вовне мощью городских проспектов, гранитом памятников, государственной символикой.

Два романа – это два подхода (конвенциональный у Бахаревича и нарочито экспериментальный у Вишнёва) в рамках общего для писателей осознания и стоического принятия периферии социума и шире – онтологии. А еще – это авторефлексия литературы, поскольку и О. Бахаревич, и З. Вишнёв (каждый по-своему) решают вопрос: способно ли художественное слово отразить незавершенные еще социальные процессы, которые составляют наш повседневный опыт? Забегая вперед скажу, что ответ звучит не просто утвердительно, а прогностически. Романы, созданные в 2017–2018 годах, транслируют мироощущение человека в ситуации утопических преобразований и катаклизмов «конца истории» с явной проекцией на становящуюся «здесь-и-сейчас» постпандемичную, поствыборную Беларусь-2020.

**В круге первом:
«Синий роман» Змитра Вишнёва**

Реформатор и активный популяризатор белорусской литературы, руководитель частного издательства «Голиафы», Змитер Вишнёв регулярно задевал публику: обстреливал смелыми метафорами, спутывал сетью смыслов, провозглашал диктатуру творческого раскрепощения в духе постконцептуализма в поэзии (друкописы «Африканские мотивы» («Афрыканскія матывы»), «Клёкатамус» (оба – 1995)), прозе (романы «Замок, построенный из крапивы» («Змак, пабудаваны з крапівы») (2008)), живописи, публицистике («Тамбурный москит» («Тамбурны маскіт») (2001), «Верификация рождения» («Верыфікацыя нараджэння») (2005)), перформансах (группа «Спецбригада африканских братьев», 1999–2015), шокировал откровениями в соцсетях – словом, взывал, тормозил, посылал SOS. В «антиромане» «Если присмотреться – Марс синий» (2018) он махнул на публику рукой.

Презентация и первое обсуждение книги состоялись в книгарне «Логвинов» (Минск, 28.02.2018), за ними последовали дискуссия на Белорусском Коллегиуме [Обсуждение «антиромана» ...], немногочисленные рецензии (где подмечены экспериментальность авторского замысла, узкая целевая аудитория, атмосфера ностальгии [Адам, 2019; Гарбацкі, 2019; Жыбуль, 2019]).

С моей точки зрения, для адекватного прочтения «антиромана»

нужна новая исследовательская оптика, новый язык, способный описать нетривиальную жанровую модель на стыке дневниковой медитации и политического памфлета.

Произведение с указанным жанровым подзаголовком стоит особняком в белорусской литературе и на сегодняшний день аналогов не имеет. Возникновение «антиромана» связывают с западноевропейским нео(пост)авангардизмом середины XX века (А. Роб-Грийе, Ж.-П. Сартр, Н. Саррот, Ф. Кафка и др.). В русле данной тенденции З. Вишнев и создает свой интеллектуальный лабиринт, испещренный разными шрифтами, пробелами между абзацами, номерами строк, сюрреалистическими иллюстрациями. Но это лишь форма, «каркас»: по-разному оформленные нарративы, знаковые детали Минска (библиотека в форме футбольного мяча, люди в штатском, книгарня в здании бывшего завода), травестированные образы литераторов-современников, символы движения «Бум-Бам-Лит».

Собирать все это воедино предстоит читателю. Отсюда – очевидная неконвенциональность, рецептивная сложность текста, в процессе чтения которого, тем не менее, возникает чувство психологического слома, надрыва. Он предстает на страницах фатально не преодолимым, даже если «усмирить» весь хаос художественного мира: вернуть на место укатившуюся библиотеку, закрыть все бары и злачные места, найти отсеченную голо-

ву книготорговца Егора Коваля – одного из *alterego* повествователя.

Но выдержит ли все это «массовый» читатель с его поверхностным мировосприятием и нежеланием читать по-белорусски? Очевидно, нет. И это хорошо известно автору, который провоцирует его раздражение не только стилевыми изысками, но и «формулами» маскульту, вкрапленными в художественную ткань «антиромана». Здесь можно встретить почти дословные повторы эпизодов, отсылающие к бессмысленным сериалам, сюжетные ходы детектива (расследование таинственного исчезновения головы Егора Коваля), шпионского романа (эпизоды с людьми в штатском). Автор четко называет ценностные ориентиры их любителей – «колбасу и унитаза».

Но есть ли у такого текста читатель «идеальный» – «Другой-для-меня» (М. Бахтин), в диалоге с которым обретает смысл «завуалированное» художественное высказывание, или автор создает эстетическое «я-для-себя»? Не только форма «антиромана» (с его «потокосознания», стыком сна и яви), но и содержание позволяют предположить второе. Я увидела в этом не снобизм и заведомую элитарность (иначе эксперимент подавался бы не «в лоб», а дозировано, с расчетом на аудиторию пошире), а литературную «маску», за которой – боль, кризис эгоцентричного сознания, замкнутого в кругу тавтологических взаимоотражений. Добавлю: знающего о своей замкнутости и непреодолимом раздрае.

Неслучайно хаос становится принципом организации художественной структуры. Сюжет «антиромана» невозможно пересказать: это коллаж принципиально не пересекающихся линий, каждая из которых включает как реалистическое повествование, так и условно-фантастическое. Линия первая связана с книгарней «Марс», где происходит убийство директора Егора Коваля, обернувшееся сюрроном: помещение превращается в джунгли, сотрудники исполняют дикий танец, переговариваются по телефону со Сталиным и др. Вторая – с частной жизнью героя-повествователя, где в благопристойный семейный быт (нарушаемый, правда, попыткой людей в штатском завербовать героя) вторгаются разговоры с Головой, алкогольные вояжи по ночному городу с бессонными казино, ловушками-такси, инфернальными приятелями. Третья – с миром сказки (А. Лингрен, бр. Гримм, А. Толстой, Ю. Олеся и др.) и литературы (М. Булгаков, Набоков, А. Мицкевич, Кафка, Джойс, Маркес, Пруст и др.).

Понятно, что обитатели этого художественного универсума балансируют на тонкой грани между реальностью и вымыслом. Субъекту повествования отнюдь не отводится здесь центральное место: он дробится на многочисленные *alterego*, обнажая предельную раздробленность сознания / подсознания. Каков этот герой-нарратор? Он ведет двойную жизнь: обычного человека с осязаемыми социально-психологическими, явно автобиографическими, чертами (рабо-

тает директором книгарни, имеет семью, новую квартиру, соседей) и вместе с тем пребывает в «пограничном» состоянии между творческой медитацией и погружением в гипертрофированный быт (еду и алкоголь), которые воспринимаются как экзистенциальный выбор, суррогат смысла жизни в тоталитарном социуме. Более того, в «антиромане» (наряду с персонажами-фантомами, такими, как говорящий червяк или пластилиновые человечки, симулякрами Сталиным, Буковски и др.) действуют его alterego: Егор Коваль, капитан Борода, Майкл Кривой, «гротескный субъект» – Голова, ведущая диалоги с повествователей, «овнешвляя» его Другого (или Других). Реализующие их нарративы я разделила на два типа: «объективированный» (повествователь описывает внешние по отношению к нему явления: сюрр в книгарне, город etc.) и «трансгрессивный» (алогичные явления становятся частью вовлеченного в хаос сознания / подсознания), как, например, в начале II части:

«... голова не исчезла. Она осталась. Более того, она обрела...тело! Или тело обрело голову? Это было похоже не на работу хирурга, который пришивает или ампутирует, а скорее на работу ювелира. Тут мне вспомнились яйца Фаберже. <...> Даже казалось, что перед тобой не человек, а его скульптурный образ. К тому же появился важный атрибут принадлежности к власти – капитанская форма. Фуражка, китель – все как должно быть у настоящего капитана. Напротив меня сидел странный морской человек и

молчал. Эта сцена что-то мне напоминала из прошлого. Только что? Я не мог вспомнить. А может, и не хотел» [Вишнёў, 2018, с. 57] (*Перевод с белорусского мой. – Е. Л.*)

Психоделический эффект достигается и за счет релятивного времени-пространства. Оно отражает как реалии Минска – «города-призрака», «загрязненного милицейскими мигалками, кэргэбэшным шепотом, пьяным дыханием рабочих с многочисленных заводов» [Вишнёў, 2018, с. 176] (и др. знаками тоталитарного социума, поданными с помощью гротеска), где почти нет места андеграунду (подпольным барам, галереям альтернативного искусства, вызывающими у читателя ностальгию), так и маргинальность онтологическую – космос, свергнутый в хаос (планета Марс, мир Земли, который «перевернулся и пошел расщелинами» [Вишнёў, 2018, с. 233]). Их авторское видение близко концепции «дионисийского» начала мироустройства (Ф. Ницше), модифицированной в русле синергетики, для которой мир – это бифуркационно изменчивая, самоорганизующаяся система (И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен). Только творится ли из хаоса космос в романе?

При чтении меня не покидало чувство, что это невозможно, несмотря на новый ракурс, предложенный в названии «Если присмотреться – Марс синий» (принято считать, что Марс красного цвета), несмотря на приметы городского андеграунда, напоминающие о творче-

ском раскрепощении 1990-х. Но сама образная система, сам стиль «антиромана» с его переходами к ритмизированной прозе, «рваными» цезурами в стихотворных строфах («*платформы форма Плафон На плато стаяў мікрафон Папкорн – корм Для кармавых быкоў*» [Вишнёў, 2018, с. 241]), различными нарративами (один из них, «трансгрессивный», не всегда поддается дешифровке), интертекстом препятствуют гармонизации художественного универсума. Создается впечатление, что автор намеренно перегружает текст неконвенциональными приемами, чтобы зафиксировать кульминацию распада сознания / подсознания героя-повествователя «здесь-и-сейчас», на глазах у читателя. Это увеличивает перформативно-рецептивный потенциал произведения, созданного, с одной стороны, с расчетом на со-творчество, с огромным доверием к читателю (лишь его внимание, «включенность» помогут «считать» авторский message), с другой – со скепсисом в отношении как его, так и собственной стратегии. Неслучайно многие страницы «антиромана» содержат следы творческой авторефлексии – попытку постичь феномен художественного мышления с приоритетом интуитивного, нерационального начала. Отсюда – образ Критикессы (персонификация автоцензора), рассуждения об отсутствии сюжета, «уничтожении читателя», «тусклых очертаниях» героев.

Какое впечатление оставляет «антироман» З. Вишнёва? В начале чтения он раздражает рецептивной

сложностью, после знакомства с «белорусским романом» В. Месяца «Искушение архангела Гройса» (2018), который завершается войной людей и диких кабанов, – вызывает недоумение в связи с чрезмерно фантазмагоричным образом Беларуси. Но в контексте социокультурных процессов 2020 года (сложной эпидемиологической обстановки, выбора политического курса Республики Беларусь) «антироман» видится востребованным и актуальным. Замкнувшись в кругу эстетического «я-для-себя», автор достиг цели – показал в напускном социальном благополучии такой внутренний разлад, такую расщепленность сознания / подсознания современного белоруса, которые могут вылиться в хаос публичных протестов, социальную нестабильность, самоощущение глобальной неукорененности в бытии.

**«Собаки Европы»
Ольгерда Бахаревича:
новый райх в головах**

Смещение реальности в условно-фантастическую плоскость явно проступает и в романе Ольгерда Бахаревича «Собаки Европы» (2017). События его первой части происходят в городе М. во «времена всеобщего помрачения». И все же роман не содержит мораль и назидание «на злобу дня». Его этос – это призыв к свободе, который воспринимается как credo, личное и творческое. Перед нами особая эстетическая оптика: взгляд из «толпы», из глубины молчаливо-

го социального отчаяния на уникальность «присутствия “я” в “мире”», явленном в калейдоскопическом разнообразии в Слове.

Призыв этот наднационален, судя по интересу к русскоязычной версии романа в России: впервые белорусский писатель становится финалистом премии «Большая книга» (2019), а зарубежный роман называют «главной прозаической книгой года» (А. Саломатин) [Ольгерд Бахаревич ... , 2019]. И это несмотря на различные отзывы, в том числе и отрицательные (за многословие, нечеткую композицию, большой объем) [Мягков, 2019]. Но главное — о белорусской литературе заговорили как о новом векторе осмысления особой грани человеческого бытия. Для меня это предельно «маргинальное» мироощущение, в целом характерное для рубежа XX–XXI веков, но усиленное неустойчивой национальной идентичностью.

Роман сконцентрирован на проблеме свободы, которая понимается широко. Это пластичность самой формы, прежде всего языка, очевидная не только в оригинальном тексте (где используются несколько инвариантов белорусского языка), но и в авторском переводе, где русский литературный язык с оттенком «добротной европейской прозы» (Е. Абдуллаев) [Слом иерархий ... , 2020, с. 253] сочетается с конлангом *бальбута*, «*трасянкой*» (русско-белорусским просторечием), *беларускай мовай*, английскими, немецкими словами, а лаконичная проза — со стихами и звукописью.

Но это и свобода национальная, проблематичная в силу ментальности белорусов — «странного народа, прозрачного, неуловимого» [Бахаревич, 2020, с. 10]. А еще — геополитическая (заявленная в названии), социальная, выстроенная на противостоянии «я — *das Man*» (поэтому о романе можно писать в терминологии экзистенциализма (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю), от чего сознательно отказываюсь как от несвободной интерпретации) и даже чувственная в силу мотивов эротических. Но прежде всего роман о свободе экзистенциальной, поскольку в центре художественного универсума — человек, который совершает выбор между освобождением «внутренним» (в творчестве, языке, культуре) и добровольным подчинением (тоталитарному государству, умозрительной идее, Богу). Именно поэтому Новый Райх в антиутопических частях книги стал для меня не конкретным пространством (Россией или Европой), но подсознательным согласием на несвободу, кризисом в головах.

Та же проблема раскрывается в «антиромане» З. Вишнёва, но здесь ее решение конвенционально (обращено к широкой аудитории, безусловно, «элитарной»), что не исключает «тайны»: недоговоренности, сквозящей между строк. Что это? Сверхзадача автора, намеренно запутавшего читателя? Скорее, интуитивный ход, возникший в результате особой техники письма (Бахаревич жонглирует разными языками

и стилями, использует «поток сознания», например, в эпизоде, с Верочкой в Ч. I), отказом от расстановки акцентов как от готовых ответов на поставленные вопросы.

А то, что они общие, несмотря на мнимую нестыковку линий сюжета, сомнений не вызывает. «Это роман обо всем», – иронично сказал автор [Ольгерд Бахаревич ... , 2019]. Я же уточню, что 6 его частей – это 6 историй о *свободе / несвободе* с отчетливыми точками пересечения. Так, проекция судеб Молчуна (Ч. II) и последнего белорусского поэта (Ч. VI) на скандинавскую сказку о Нильсе Хольгерсоне позволяет предположить, что это одно и то же лицо. Есть и другие «общие места»: детали «биографий» героев (например, бабка Бенигна, лечившая в детстве Каштанку (Ч. I), станет главной героиней Ч. III), пространственно-временные связи (город М.-2015 (Ч. I) – Белые Росы-2049 (Ч. II) – Лига Наций-2050 (Ч. VI), символы-лейтмотивы (книга, перо, камень etc.). Все это знаки, оставленные внимательному читателю, который может выстроить сюжет в логической последовательности, а может просто наслаждаться его хитросплетением, смысловым многообразием, принципиальными для автора. Между ними выстраивается «диалог» (М. Бахтин), невозможный без со-творчества.

Это ощутимо и в героях, которые наделены узнаваемыми социально-психологическими чертами, даже если действуют в условно-фантастическом (жители Белых Рос,

Бенигна, ТерезиусСкима) или сказочном (Нильс) пространстве. Отсюда – эффект самоидентификации, максимальная включенность читателя в ситуацию выбора свободы / несвободы каждым из них. Это даже не выбор как таковой (традиционный для литературы экзистенциальной ориентации от Достоевского, Сартра до «военной», «лагерной» прозы), а то, что обнаруживается за ним, – подсознательное согласие на несвободу. Неслучайно повествование начинает Олег Олегович – герой во многом автобиографичный, но не лишенный авторской иронии. Ее «выдает» повествование: за внешним снобизмом и оппозиционностью проступает тайное восхищение властью в эпизодах детства, допроса. Сбивчивый, местами истеричный, намеренно многословный нарратив говорит о «раздвоенности» сознания, метании между несогласием и готовностью подчиниться. Так создается психологический портрет человека из «толпы» с бременем несвободы коллективной, национальной, что делает его «внутренние» противоречия в принципе неразрешимыми. Поэтому и выход из «Эпохи Поражения» с помощью творчества – создания конланга *бальбута* – амбивалентен и может показаться панацеей лишь наивному читателю. В дальнейшем мы увидим, что воспользоваться правом на свободу смогут не все герои: одни подменят ее диктатурой «идеи» (в том числе и национальной, как Максим Кривичанин в Ч. III) и совершат преступление, другие обретут само-

идентичность, вернутся к самим себе (ТерезиусСкима в Ч. VI).

Авторский «диалог» с читателем проявляется и во времени-пространстве, которое воспринимается как постсоветская Беларусь и вместе с тем как постапокалиптический мир будущего, учитывая логику социокультурных процессов, отечественных и зарубежных. Какова она, Беларусь «реальная», представленная в Ч. I? Скорее, это пространство реально-ирреальное, «двойственное», тоталитарное, где сочетаются конформистская жизнь большинства («широкие плакатные улицы», почётный караул на Площади Победы) и «темные щели между явью и сном» фриков, людей «легких, как бумага», инакомыслие которых пресекается [Бахаревич, 2020, с. 67, 57]. Именно в таких условиях мог возникнуть искусственный язык *бальбута*, основанный «на разнообразии, свободе и поэзии» [Бахаревич, 2020, с. 36], по сути, творческое сопротивление прессингу социума (и шире – мира). Но способно ли появление «языка свободы» стать шагом к свободе подлинной?

Не способно: в этом убеждают последующие части романа. В «антиутопической» Ч. II. в традициях поэтики жанра (Е. Замятин, А. Платонов, О. Хаксли, Дж. Оруэлл и др.) прогнозируется общество-2049: Новый Российский Райх (результат политики империализма и национального шовинизма), окруженный Стратегическим лесом. На его границе – Белые Росы: пространство не столько социальной, сколько экзистенциаль-

ной периферии в силу «суженного» сознания его обитателей – людей-оборотней без памяти о прошлом и родного языка, доведенных пропагандой и маскультом до умственного коллапса и физической деградации (результат русификации, идеологического воспитания, авторитарного стиль руководства современной Беларуси). Появление «чужака» – Стефки из организации сопротивления, использующей *бальбуту* как тайный язык, только усугубляет ощущение несвободы. Не случайно Молчун, подобно Нильсу Хольгерсону, улетает из Белых Рос во время битвы этой диверсантки и русского майора Лебеда, преодолевая трагическую «маргинальность» своего положения между двух враждебных миров.

В Ч. III речь идет о несвободе от диктатуры «идеи», в которую выродается мечта о Беларуси «настоящей», аутентичной. Ее моделью становится остров Кривья, возникший как «утешение разочарованных, сон тех, чья страна так и не сбылась» [Бахаревич, 2020, с. 376], а ставший «антидомом», сконструированным по умозрительным лекалам и потому нежизнеспособным (колонисты его покидают, а основатель Максим Кривичанин убит). Абсурдность ситуации подчеркивает повествование от лица бабки Бенигны, воспринимающей и Кривью, и реальный Минск как часть условно-фантастического «андертальского леса».

Иллюзия локальности несвободы в постсоветском пространстве окон-

чательно разрушается в Ч. VI, поскольку ощущение «периферии» возникает не только в Белых Росах и Новом Райхе, но и в европейской Лиге Наций. Формула детектива (расследование обстоятельств смерти неизвестного поэта) и сюрреалистичная образность создают в этой части наиболее таинственную атмосферу, сквозь которую, тем не менее, проступает постапокалиптический облик Западной Европы-2050. Здесь бисексуальность и телесные импланты, виртуализированное инфантильное мировосприятие привели к одичанию духовному и физическому. Вот почему «дистрофические человекообразные» европейцы напоминают жителей Белых Рос. И главное – здесь умерла культура (книжный магазин стал «бумажным концлагерем», вечера поэзии – изощренной пыткой), а быть причастным к литературному процессу значит обрекать себя на забвение и гибель. И все же в этом пространстве несвободы, метафорой которой становится собачий «лай-вызов, лай-зов, лай, который означает присутствие и готовность» [Бахаревич, 2020, с. 686], зарождается потребность во «внутреннем» освобождении Терезиуса Скимы. Его трансгрессия – это обретение самоидентичности, что можно интерпретировать и как приобщение к национальным истокам.

Я опускаю ряд интереснейших моментов, касающихся стиля повествования (красочная палитра отсылает к «необарокко», а интимность и «примитивизм» отдельных

стихотворных фрагментов – к стихам капитана Лебядкина у Достоевского, миниатюрам Хармса, городскому фольклору), литературных реминисценций, аллюзий (Ф. М. Достоевский, Ф. Кафка, Д. Джойс, М. Пруст и др.) и даже мистификаций (альбом Франсуазы Дарлон). Хочется оставить свободу – для новых прочтений и исследований. Но о творческой авторефлексии в «Собаках Европы» упомяну, поскольку к ней обращается и З. Вишнёв «антиромане».

Попытка осмыслить собственное творчество отражена не только в Ч. III (фрагмент о несохраненном на компьютере тексте), но и в лингвоконструировании вместе с читателем, который приобщается к тайне языка («Бальбута. Грамматика и словарь»), переводит с бальбуты отдельные слова и выражения, а может – и целую главу. Есть в романе и рефлексия металитературная: фигуры белорусских писателей (среди них – литературные «маски» самого Бахаревича и его жены, поэтессы и переводчицы Юлии Тимофеевой), рассуждения о вторичности «сучбеллита» (от бел. «сучасная беларуская літаратура» – рус. «современная белорусская литература») и особенно заключительная часть сосредоточены на месте литературы в иерархии социальных ценностей. Вытеснение ее на периферию может привести к антропологической деградации – таков вывод автора.

Что остается после прочтения романа? Благодарность за со-

творчество, диалог, множество прочтений (в частности, Белорусский Свободный театр сделал социально-политический акцент, решив спектакль «Собаки Европы» как абсурдную брутальную феерию с чрезмерной обнаженной телесностью, виртуозной хореографией [Мартинович, 2020]). Тем самым Ольгерд Бахаревич дает возможность свободного восприятия – текста и мира.

Заключение

Подводя итог, выскажу предположение о том, какой след в истории оставит новейшая белорусская литература, что даст мировой культуре,

будучи литературой «малой». Реалии 2020 года изменили многие устоявшиеся представления: мир столкнулся с угрозой пандемии, закрылись целые континенты, традиционная система европейских ценностей показала свое практическое бессилие и декларативность. Именно в этих условиях становится очевидна растерянность человека с бременем не-свободы, что дало основание назвать его HomoConfusus (Т. Черниговская). Значит, литература, возникшая как осмысление и принятие положения «на периферии», может стать новым словом о нем и мире.

Библиографический список

1. Адам М. Пабачыць Марс і...зразумець // ЛіМ. 2019 9 апр. URL: <http://zviazda.by/be/news/20190409/1554789697-pabachyc-mars-i-zrazumec>. (Дата обращения: 06.04.2019).
2. Акудовіч В. В. Код адсутнасці. Асновы беларускай ментальнасці. Мінск : Логвінаў, 2007. 216 с.
3. Арлоў У. У пошуках украдзенага скарбу : гістарычнае эсе // Польша. 1993. № 2. С. 136–170.
4. Бабкоў І. Калі скончыцца беларуска-беларуская вайна? // Bramaby : сайт. 2014. 25 сент. URL: <http://www.bramaby.com/ls/blog/bel/1472.html>. (Дата обращения: 25.09.2014).
5. Бахаревич О. Собаки Европы : роман. Москва : Время, 2020. 768 с.
6. Белая Г. А. Смена кода в русской культуре XX века как экзистенциальная ситуация // Литературное обозрение. 1996. № 5/6. С. 111–116.
7. Блищ Н. Л. Национальный характер белоруса в зеркале русской прозы XX века: мифы и стереотипы // Русский язык и литература в славянском мире : материалы Межнар. науч-практ. конф. в он-лайн формате. Москва : Изд-во МГУ. С. 503–511.
8. Болотян И. Новая драма: опыт типологии / И. Болотян, С. Лавлинский // Вестник РГГУ. 2010. № 2. С. 35–45.
9. Вішнёў З. Калі прыгледзецца – Марс сіні: антыраман. Мінск : Выдавец А. М. Янушкевіч, 2018. 276 с.

10. Гапеева В. Пінгвінячы трэш, або Шчырасць і трагізм авангарду: антырэцэнзія на антыраман // Дзеяслоў. 2019. № 101. С. 237–241.
11. Гарбацкі У. Сіні раман Вішнёва: ода Менску, якога больш няма // Новы час. 2019. 28 снежня. URL: <http://www.novychas.by/kultura/sini-roman>. (Дата обращения: 28.11.2019).
12. Дубянецкі Э. Менталітэт беларусаў: спроба гістарычна-псіхалагічнага аналізу // Беларусіка. Кн. 2. Мінск: Нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны, 1993. С. 192–201.
13. Жыбуль В. Дзённік бумбамлітаўца (авторская рэдакцыя, 1999). Воспоминания Виктора Жибуля – известного белорусского поэта-авангардиста, члена художественного движения «Бум-Бам-Лит» – на сегодняшний день опубликованы лишь частично в альманахе «Тэксты» (Мінск: Галіяфы, 2004–2014).
14. Жыбуль В. Я проста здэкуюся з паперы, альбо Каменныя прыступкі беларускага антыраману // Радыё Свабода. Сайт. 2019. 19 сакавіка. URL: <http://www.svaboda.org/a/29829621.html>. (Дата обращения: 19.04.2019).
15. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX в.: диалог на границах столетий. Москва : Флинта ; Наука, 2002. 304 с.
16. Лепишева Е. М. Мы беларусы...: перформативный потенциал белорусской документальной драмы начала XXI века в поиске национальной самоидентичности // Перформатизация современной русской драмы: славянский контекст. Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2019. P. 87–100.
17. Линков В. Я. Скептицизм и вера Чехова. Москва : Изд-во МГУ, 1995. 79 с.
18. Мартинович Д. Россия – Новый Рейх, Беларусь – в ее составе. Свободный показал мрачную антиутопию «Собаки Еўропы» // tut.by. сайт. 2020. URL: <https://afisha.tut.by/news/culture/675519.html>. (Дата обращения: 09.03.2020).
19. Мягков А. Книжное старообрядчество: роман «Собаки Европы» // ГодЛитературы. сайт. 2019. URL: <http://www.godliteratury.ru/projects/knizhpoe-starobryadchestvo-sobaki-ev>. (Дата обращения: 26.09.2019).
20. Нефагина Г. Л. Динамика стилевых течений в русской прозе 1980-х – 1990-х годов : монография. Минск : БГУ, 1994. 194 с.
21. Обсуждение «антиромана» З. Вишнева на Белорусском Коллегиуме (образовательной и творческой платформе, организованной во второй половине 1990-х годов по инициативе негосударственных организаций и культурных деятелей Беларуси). URL: <https://web.facebook.com/kalegium/videos/1586502038151427/>. (Дата обращения: 21.09.2020).

22. Ольгерд Бахаревич о своем романе «Собаки Европы» // labirint. сайт. 2019. URL: [http://www. labirint.ru/books/695480/?p=5767](http://www.labirint.ru/books/695480/?p=5767). (Дата обращения: 05.04.2019).

23. Рагуля А. Філасофскі тэатр Кандрата Крапівы // Шлях да Браны Неўміручасці: матэрыялы рэсп. навук. чыт., прысвеч. 115-годдзю з дня нараджэння народнага пісьменніка Беларусі Кандрата Крапівы. Мінск : Бел.навука, 2012. С. 10–119.

24. Слом иерархий: блогеры обживают реал. Литературные итоги 2019 года // Дружба народов. 2020. № 1. С. 252–265.

25. Собенников А. С. «Между “есть Бог” и “нет Бога”...»: (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 222 с.

26. Чарота І. А. Пошук спрадвечнай існасці : беларуская літаратура XX стагоддзя у працэсах нацыянальнага самавызначэння : манаграфія. Мінск : Навука і тэхніка, 1995. 159 с.

27. Чернявская Ю. Пять парадоксов национального самосознания белорусов // ИНДЕКС. сайт. URL: [http://www. index.org.ru/journal/15/15-chern.html](http://www.index.org.ru/journal/15/15-chern.html). (Дата обращения: 10.07.2020).

28. 13 процентов белорусов не умеют читать на родном языке // gometoday. сайт. 2012. URL: [http://www. gometoday.rus/news/belarus/17988/](http://www.gometoday.rus/news/belarus/17988/). (Дата обращения: 31.01.2012).

Reference list

1. Adam M. Pabachyc' Mars i...zrazumec' // LiM. 2019 9 apr. URL: <http://zviazda.by/be/news/20190409/1554789697-pabachyc-mars-i-zrazumec> (data obrashhenija: 06.04.2019).

2. Akudovich V. V. Kod adsutnasci. Asnovy belaruskaj mental'nasci. Minsk : Logvinaŭ, 2007. 216 s.

3. Arloŭ U. U poshukah ukradenaga skarbu : gistarychnae jese // Polymja. 1993. № 2. S. 136–170.

4. Babkoŭ I. Kali skonchycca belarуска-belaruskaja vajna? // Bramaby : sajt. 2014. 25 sent. URL: [http://www. bramaby.com/ls/blog/bel/1472.html](http://www.bramaby.com/ls/blog/bel/1472.html). (Data obrashhenija: 25.09.2014).

5. Baharevich O. Sobaki Evropy = Dogs of Europe : roman. Moskva : Vremja, 2020a. 768 s.

6. Belaja G. A. Smena koda v russkoj kul'ture XX veka kak jekzistencial'naja situacija = Code change in Russian culture of the XX century as an existential situation // Literaturnoe obozrenie. 1996. № 5/6. S. 111–116.

7. Blishh N. L. Nacional'nyh harakter belorusa v zerkale russkoj prozy XX veka: mify i stereotipy = The national character of the Belarusian in the mirror of Russian prose of the XX century: myths and stereotypes // Russkij jazyk i

literatura v slavjanskom mire : materialy Mezhnar. nauch-prakt. konf. v on-lajn formate. Moskva : Izd-vo MGU. S. 503–511.

8. Bolotjan I. Novaja drama: opyt tipologii = New drama: typology experience / I. Bolotjan, S. Lavlinskij // Vestnik RGGU. 2010. № 2. S. 35–45.

9. Vishněy Z. Kali prygladzecca – Mars sini: antyraman. Minsk : Vydavec A.M. Janushkevich, 2018. 276 s.

10. Gapeeva V. Pingvinjachy trjesh, abo Shchyrasc' i tragizm avangardu: antyrjecenzija na antyraman // Dzejasloŭ. 2019. № 101. S. 237–241.

11. Garbacki U. Sini raman Vishněva: oda Mensku, jakoga bol'sh njama // Novy chas. 2019. 28 snezhnja. URL: <http://www.novychas.by/kultura/sini-raman>. (Data obrashhenija: 28.11.2019).

12. Dubjanecki Je. Mentalitjet belarusaŭ: sproba gistorychna-psihalagichnaga analizu // Belarusika. Kn. 2. Minsk: Nacyjanal'ny navukova-avsetny cjentr imja F. Skaryny, 1993. S. 192–201.

13. Zhybul' V. Dzënnik bumbamlitaŭca (avtorskaja redakcija, 1999). Vospominanija Viktora Zhibulja – izvestnogo belorusskogo pojeta-avangardista, chlena hudozhestvennogo dvizhenija “Bum-Bam-Lit” – na segodnjashnij den' opublikovany lish' chastichno v al'manahe “Tjeksty” (Minsk: Galijafy, 2004–2014).

14. Zhybul' V. Ja prosta z'dzekujusja z papery, al'bo Kamennyja prystupki belaruskaga antyramanu // Radyë Svaboda. Sajt. 2019. 19 sakavika. URL: <http://www.svaboda.org/a/29829621.html>. (Data obrashhenija: 19.04.2019).

15. Zamanskaja V. V. Jekzistencial'naja tradicija v russkoj literature XX v.: dialog na granicah stoletij = Existential tradition in Russian literature of the XX century: dialogue at the borders of centuries. Moskva : Flinta ; Nauka, 2002. 304 s.

16. Lepisheva E. M. My belarusy...: performativnyj potencial belorusskoj dokumental'noj dramy nachala XXI veka v poiske nacional'noj samoidentichnosti = We are Belarusians...: The performance potential of the Belarusian documentary drama of the beginning of the XXI century in the search for national identity // Performatizacija sovremennoj russkoj dramy: slavjanskij kontekst. Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2019. P. 87–100.

17. Linkov V. Ja. Skepticizm i vera Chehova = Chekhov's scepticism and faith. Moskva : Izd-vo MGU, 1995. 79 s.

18. Martinovich D. Rossija – Novyj Rejh, Belarus' – v ee sostave. Svobodnyj pokazal mrachnuju antiutopiju “Sabaki Eŭropy” = Russia - New Reich, Belarus - in its composition. Free showed the dark dystopia of “Dogs of Europe” // tut.by. sajt. 2020. URL: <https://afisha.tut.by/news/culture/675519.html>. (Data obrashhenija: 09.03.2020).

19. Mjagkov A. Knizhnoe staroobryadchestvo: roman “Sobaki Evropy” = Book old believers: the novel “Dogs of Europe” // GodLiteratury. sajt. 2019. URL: <http://www.godliteratury.ru/projects/knizhnoe-staroobryadchestvo-sobaki-ev>. (Data obrashhenija: 26.09.2019).

20. Nefagina G. L. Dinamika stilevyh techenij v russkoj proze 1980-h – 1990-h godov = Dynamics of style currents in Russian prose in 1980–1990s: monografija. Minsk : BGU, 1994. 194 s.

21. Obsuzhdenie “antiromana” Z. Vishneva na Belorusskom Kollegiume (obrazovatel'noj i tvorcheskoj platforme, organizovanoj vo vtoroj polovine 1990-h godov po iniciative negosudarstvennyh organizacij i kul'turnyh dejatelej Belarusi) = Discussion of Z. Vishnev's “anti-novel” at the Belarusian Collegium (an educational and creative platform organized in the second half of the 1990s at the initiative of non-state organizations and cultural figures of Belarus). URL: <https://web.facebook.com/kalegium/videos/1586502038151427/>. (Data obrashhenija: 21.09.2020).

22. Ol'gerd Baharevich o svoem romane “Sobaki Evropy” = Olgerd Bakharevich about his novel “Dogs of Europe”// labirint. sajt. 2019b. URL: <http://www.labirint.ru/books/695480/?p=5767>. (Data obrashhenija: 05.04.2019).

23. Ragulja A. Filasofski tjeatr Kandrata Krapivy // Shljah da Bramy Neŭmiruchasci: matjeryjaly rjesp. navuk. chyt., prysvech. 115-goddzju z dnja narodzhennja narodnaga pis'mennika Belarusi KandrataKrapivy. Minsk : Bel.navuka, 2012. S. 10–119.

24. Slom ierarhij: blogery obzhivajut real. Literaturnye itogi 2019 goda = Scrapping hierarchies: bloggers live real. Literary results of 2019 // Druzhiba narodov. 2020. № 1. S. 252–265.

25. Sobennikov A. S. “Mezhdju “est' Bog” i “net Boga”... ”: (o religiozno-filosofskih tradicijah v tvorcestve A.P. Chehova) = Between “there is God “and” there is no God... ””: (about religious and philosophical traditions in the works of A. P. Chekhov). Irkutsk : Izd-vo Irkut. un-ta, 1997. 222 s.

26. Charota I. A. Poshuk spradvechnaj isnasci : belaruskaja litaratura XX stagoddzja u pracjesah nacyjanal'naga samavyznachjennja : managrafija. Minsk : Navuka i tjehnika, 1995. 159 s.

27. Chernjavskaja Ju. Pjat' paradoksov nacional'nogo samosoznanija belorusov = Five paradoxes of Belarusian national identity // INDEKS. sajt. URL: <http://www.index.org.ru/journal/15/15-chern.html>. (Data obrashhenija: 10.07.2020).

28. 13 procentov belorusov ne umejut chitat' na rodnom jazyke // gomel.today. sajt. 2012. URL: <http://www.gomel.today/rus/news/belarus/17988/>. (Data obrashhenija: 31.01.2012).